

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ НА СТРАНИЦАХ ЦЕРКОВНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

(на материале журнала Московской
духовной академии «Богословский вестник»)

Светлана Владимировна Бурмистрова

кандидат филологических наук
доцент кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад, Троице-Сергиева
Лавра, Академия
t-svet2007@yandex.ru

Для цитирования: *Бурмистрова С. В.* Ф. М. Достоевский на страницах церковной академической периодики конца XIX — начала XX века (на материале журнала Московской духовной академии «Богословский вестник») // Богословский вестник. 2022. № 2 (45). С. 333–350. DOI: 10.31802/GB.2022.45.2.019

Аннотация

УДК 82-091 (82-97) (82-92)

В статье рассматривается проблема восприятия творческого наследия Ф. М. Достоевского в церковной академической периодике рубежа XIX–XX вв. В «Богословском вестнике», журнале Московской духовной академии, представлен довольно большой пласт материалов, так или иначе связанных с Достоевским (в этом смысле писатель оставляет далеко позади себя Пушкина, Гоголя, Лескова и др.). Обращает на себя внимание широта тематического контекста, в котором упоминается Достоевский и/или его произведения (от историко-литературного и религиозно-философского до социально-психологического и естественнонаучного). Типичные формулы, через которые определяется образ писателя на страницах «Богословского вестника» — проповедник православия, учитель пастырей, панславист, психолог, философ, гений и др. В большинстве публикаций «Богословского вестника» сочинения Достоевского выступают не столько как объект историко-литературного анализа, сколько используются в качестве материала, позволяющего

прокомментировать актуальные нравственно-философские вопросы современности или, что наблюдается в статьях научно-богословского характера, проиллюстрировать на доступном для читателей языке догматические основы христианства и православной аскетики. В некоторых статьях проводится сопоставление известных людей с персонажами произведений Достоевского (например, личность В. Розанова и его религиозность сравнивается с образом Алёши Карамазова и его верой в Бога). В «Богословском вестнике» творческое наследие Достоевского рассматривается не только как вершинное явление отечественной литературы, но и как значимый фактор русской православной культуры.

Ключевые слова: Достоевский, церковная периодика, «Богословский вестник», рецепция, аксиология, христианское мирозозерцание, религиозно-философская критика рубежа XIX–XX веков, богословие, архетип.

F. M. Dostoevsky on the Pages of the Church Academic Periodicals of the Late 19th – Early 20th Centuries

(On the Material of the Journal of the Moscow Theological Academy «Theological Herald»)

Svetlana V. Burmistrova

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

t-svet2007@yandex.ru

For citation: Burmistrova, Svetlana V. "F. M. Dostoevsky on the Pages of the Church Academic Periodicals of the Late 19th – Early 20th Centuries (On the Material of the Journal of the Moscow Theological Academy 'Theological Herald')". *Theological Herald*, no. 2 (45), 2022, pp. 333–350 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2022.45.2.019

Abstract. The article deals with the problem of perception of the creative heritage of F. M. Dostoevsky in the church academic periodicals at the turn of the XIX–XX centuries. The journal of the Moscow Theological Academy «Theological Bulletin» presents a fairly large layer of materials in one way or another related to Dostoevsky (in this sense, the writer leaves Pushkin, Gogol, Leskov and others far behind him). Noteworthy is the breadth of the thematic context in which Dostoevsky and / or his works are mentioned (from historical-literary and religious-philosophical to socio-psychological and natural science). Typical formulas through which the image of a writer on the pages of the Theological Bulletin is determined are a preacher of Orthodoxy, a teacher of pastors, a Panславист, a psychologist, a philosopher, a genius etc. In most of the publications of The Theological Bulletin, Dostoevsky's works are not so much an object of historical and literary analysis as they are used as material to comment on current moral and philosophical issues of our time or, as observed in articles of a scientific and theological nature, to illustrate in a language accessible to readers dogmatic foundations of Christianity and Orthodox asceticism. Some articles compare famous people with characters in Dostoevsky's works (for example, V. Rozanov's personality and his religiosity

are compared with the image of Alyosha Karamazov and his faith in God). Dostoevsky's reception in The Theological Bulletin is carried out in a religious and philosophical aspect, the writer's creative heritage is viewed not only as the summit phenomenon of Russian literature, but also as a significant factor in Russian Orthodox culture, expressing its most important features.

Keywords: Dostoevsky, church periodicals, Theological Bulletin, reception, axiology, Christian worldview, religious and philosophical criticism of the turn of the XIX–XX centuries, theology, archetype.

Культура эпохи рубежа XIX–XX вв. воспринимает Ф. М. Достоевского как одного из наиболее близких себе авторов, творческое наследие которого созвучно её собственным духовным исканиям. О мирозерцании Достоевского, о его понимании русского национального характера, православной культуры, исторического пути России размышляют и спорят известные литературные критики и философы: В. Розанов, С. Булгаков, К. Леонтьев, В. Соловьёв, Н. Страхов и др. В эпоху модерна Достоевский — это уже «своеобразное священное предание»¹: культурная элита эпохи общается цитатами из Достоевского, определяет себя и друг друга через героев его романов, использует текст Достоевского в личной переписке. В контексте творчества Достоевского осмысливается литература прошлого и настоящего, моделируются новые художественные и религиозно-философские системы. Именно «XX век увидел в Достоевском не только талантливого психопатолога, — отмечает К. Мочульский, — но и великого религиозного мыслителя»², открыл в нём «диалектику», а в его сочинениях — «метафизическую глубину».

В церковной академической периодике, то есть в журналах, которые издавались при четырёх духовных академиях (московской, петербургской, казанской и киевской), публикации, посвящённые Достоевскому и в целом русской и зарубежной литературе, занимают значительное место. В журнале Московской духовной академии — «Богословском вестнике», который на первом этапе существования выходил в свет с 1892 по 1918 гг., — аналитическая интерпретация художественной литературы представлена разными научно-критическими жанрами. Преобладающим является, безусловно, жанр статьи. В дореволюционный период в журнале увидело свет около пятидесяти публикаций, посвящённых «изящной литературе». Предметом данных исследований выступают произведения самых разных авторов: и классиков мировой литературы (Эсхил, Вергилий, Тассо, Сервантес, Гёте и др.), и современных писателей (Достоевский, Л. Толстой, Ницше, Золя и др.). Помимо статей, читателю рубежа веков предлагались также рецензии на произведения наиболее популярных в этот период отечественных

1 *Фетисенко О. Л.* Достоевский в двух эпистолярных диалогах В. В. Розанова 1890-х гг. // Достоевский и мировая культура. Альманах № 27 / сост., ответ. ред. Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров. Санкт-Петербург, 2010. С. 206.

2 *Мочульский К.* Гоголь. Соловьёв. Достоевский / сост. и послесл. В. М. Толмачёва. Москва, 1995. С. 219.

и европейских авторов³. Наконец, в «Богословском вестнике» публиковались заметки, сообщающие о юбилейных датах в истории русской словесности. Например, несколько номеров 1899 г. содержат материалы, посвящённые 100-летию юбилею А. С. Пушкина; в мартовском номере 1902 г. опубликованы заметки и статьи в связи с 50-летием со дня кончины В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя; в нескольких номерах 1909 г. размещены материалы, посвящённые 100-летию со дня рождения Н. В. Гоголя, среди которых также статья профессора кафедры истории русской литературы Московской академии Николая Леонидовича Туницкого. Кроме историко-литературных публикаций, следует указать и на ещё одну форму присутствия художественного дискурса на страницах академического журнала — на богословские статьи междисциплинарного характера (на стыке богословия, филологии, философии и психологии).

Образ Достоевского на страницах «Богословского вестника» чаще всего определяется через такие формулы, как гений, проповедник православия, панславист, психолог и философ, а с его именем связывают прежде всего представление о благотворном влиянии русской литературы на духовно-нравственную жизнь. Так, доцент кафедры церковного права Московской академии Николай Дмитриевич Кузнецов, указывая на нравственную функцию русской литературы, которая, по его словам, становится важным «пособием... в деле проповеди и преподавания Закона Божия»⁴, имеет в виду в первую очередь сочинения Достоевского. «Высокие черты личности Достоевского и его большой талант художника, — пишет автор, — помогли ему далее других заглянуть в те сокровенные глубины человеческой души, где происходит зарождение религиозной жизни...»⁵, и именно поэтому, считает Кузнецов, его произведения оказывают столь сильное воздействие на читателей.

В журнале Московской академии произведения Достоевского упоминались в самом широком тематическом контексте, что объясняется прежде всего разноплановостью сочинений писателя, насыщенных религиозно-философской, психологической, социальной проблематикой. Содержательная многомерность текстов Достоевского давала

- 3 См., например: С. Л. [Автор не установлен]. Рец. на: *Малеонский М. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства: Серебряный век.* Санкт-Петербург, 1883–1894 // БВ. 1894. Т. 4. № 11. С. 383–409; *Глаголев С. С. Духовный дальтонизм в изящной литературе.* Рец. на: *Lourdes par Emile Zola / Paris, 1894* // БВ. 1894. Т. 4. № 12. С. 548–578 и др.
- 4 *Кузнецов Н. Д. Русская художественная литература в её отношении к вопросам религии* // БВ. 1910. Т. 3. № 10. С. 334.
- 5 Там же. С. 338.

возможность авторам «Богословского вестника» обращаться к ним не только как к объекту историко-литературного анализа, но и в рамках научно-богословских и философских исследований. Так, совершенно неожиданно можно обнаружить отсылку к «Братьям Карамазовым» в статье профессора Петровской сельскохозяйственной академии Петра Сергеевича Страхова «Всемогущий случай или творчество Божие?», в которой анализируются естественнонаучные концепции происхождения мировой материи и органической жизни. В частности, рассматривая космогоническую гипотезу французского астронома Э. Фая (1814–1902), Страхов пишет:

«Гипотеза Фая даёт очень знаменательные совпадения с тем, что повествуется в Библии. Так, она <...> согласно с книгой Бытия, указывает на появление земли *прежде солнца* и света — *до светил*. Последним обстоятельством, между прочим, исключается знаменитый “Смердяковский вопрос” <...> немало использованный дешёвым скептицизмом»⁶.

Данная реминисценция, отсылающая к Достоевскому, свидетельствует о том, что читатель эпохи рубежа веков само собой знает имена персонажей, тексты писателя и отлично понимает, о каком вопросе идёт речь. Имеется в виду эпизод из главы «Смердяков», в котором повествуется о том, как слуга Григорий начал обучать двенадцатилетнего Смердякова священной истории, но что «дело кончилось тотчас же ничем».

«Как-то однажды, всего только на втором или третьем уроке, мальчик вдруг усмехнулся. — Чего ты? — спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков. — Ничего-с. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звёзды на четвёртый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?»⁷

В публикациях «Богословского вестника» произведения Достоевского нередко использовались в качестве инструмента, с помощью которого осмыслились и комментировались актуальные проблемы современности. Именно такую функцию они выполняли в исследованиях профессора кафедры нравственного богословия Московской

6 Страхов П. С. Всемогущий случай или творчество Божие? // БВ. 1909. Т. 1. № 1. С. 9–10.

7 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырёх частях с эпилогом: Ч. 1. Москва, 1987. С. 129.

академии Михаила Михайловича Тареева⁸. Его статья «Религиозная проблема в современном освещении», посвящённая, казалось бы, не связанной напрямую с Достоевским проблеме распространения в современном обществе антирелигиозной литературы, открывается большой цитатой из «Дневника писателя» Достоевского за 1873 г. В процитированном фрагменте, взятом из главы «Влас», кроме запоминающейся сцены о данной молодым человеком клятве совершить дерзостный поступок (выстрелить в евхаристические хлеб и вино), содержатся также рассуждения Достоевского об особенностях русского национального характера, в том числе о таких его чертах, как «потребности хватить через край», потребности в саморазрушении и самоотрицании. Размышления Достоевского об этих коренных чертах русского человека Тареев проецирует на проблему возросшего читательского внимания к атеистической литературе. Именно стремлением русского характера к саморазрушению, вероятно, только и можно объяснить, считает Тареев, тот «торопливый, стремительный» спрос на «разношёрстную» атеистическую литературу, а также то «“безудержное” и “беззаветное” поглощение листов, отрицающих “всю народную святыню во всей её полноте”, отвергающих “семью, обычаи и Бога”»⁹, которое продемонстрировал нынешний читатель. В целом язык статьи Тареева включает многие свойственные стилистике Достоевского формулы.

О восприятии академическим богословием текстов Достоевского как прецедентных свидетельствуют встречающиеся в некоторых публикациях сравнения известных людей прошлого и современности с вымышленными персонажами из романов писателя. Функции этих сравнений в том, чтобы сделать более доступными для понимания читателей сложные духовно-нравственные явления и процессы, с которыми сталкивается современный человек. В этом плане примечательна статья М. М. Тареева «Христианство и религия В. В. Розанова», в которой он, рассуждая о сочинениях одного из наиболее сложных философов рубежа веков, вводит сравнение Розанова с Алёшей Карамазовым. Именно образ Алёши позволяет Тарееву более рельефно передать своё представление об особенностях религиозного мировосприятия Розанова, прояснить его отношение к религии.

8 Кроме материалов, опубликованных в «Богословском вестнике», у М. М. Тареева есть специальная статья о Достоевском, изданная в «Христианском чтении»: *Тареев М. М. Достоевский как религиозный мыслитель* // ХЧ. 1907. № 11. С. 575–598.

9 [Тареев М. М.] Религиозная проблема в современном освещении: [Религия и социализм. Л. Фейербах, Д. Штраус. О. Конт] // БВ. 1909. Т. 1. № 1. С. 60.

«В. В. Розанов — глубоко религиозный человек, но его религия не в понятиях, не в учении, а в чувстве — живом, влажном, сочном, его религия... погружена в лоно природы, обнимает всё живое, зелёное, радостное, растущее... У него нет интереса к отвлечённой догматике, но он молится на зелёной лужайке, которая окружает храм, он, как Алёша Карамазов, любит клейкие листочки и целует влажную землю»¹⁰.

Образ другого героя романа «Братья Карамазовы» — Мити, используется в рецензии В. Ф. Эрн на изданное в Италии собрание стихов Т. Кампанеллы. Как ни странно, но именно герой Достоевского показался автору единственно верным образом, способным адекватно представить русскому читателю начала XX в. богатое и противоречивое мировоззрение итальянского поэта и философа эпохи Возрождения. Эрн утверждает:

«Кампанеллу в некотором смысле можно назвать Митенькой Возрождения, итальянским Дмитрием Карамазовым, ибо в нём идеал Мадонны и идеал Содомский пребывают в совершенной слитности. Широта, увиденная Достоевским в русской натуре, в своём природном status'ъ равно заинтересованной и “бездной вверху”, и “бездной внизу”, была основной чертой душевного склада людей Возрождения... У Кампанеллы с Митенькой общее — не только “широта природы”, но и светлая дифирамбическая настроенность, какая-то стихийная потребность в “гимне”, в славословии; и как “подземный человек” Митенька среди ужаса своей жизни замышляет воспеть “из недр земли трагический гимн Богу, у которого радость”, так и Кампанелла среди ужасов тюремного заключения, длившегося 26 лет, с семикратными пытками, всё время воспекает великую Гармонию Космоса, благодать и мудрость и мощь вечного Разума»¹¹.

Однако сравнение Кампанеллы с Митенькой обнаруживает, с точки зрения Эрн, не только сходство, но и различие.

«... Дмитрий Карамазов, со всем хаосом и со всей беспредельной широтой природности не есть “всё” своего же собственного сознания. Он — явление *около-церковное*, а не *внутри-церковное*. Вне его пребывает непоколебимый, им же самим признаваемый и выше себя ставимый — камень церковности. Поэтому... все борения Дмитрия Карамазова — лишь переходная “психология”, а не окончательная

10 Тареев М. М. Христианство и религия В. В. Розанова // БВ. 1907. Т. 3. № 12. С. 641.

11 Эрн В. Ф. [Рец. на:] Campanella T. Le poesie. Lanciano, 1913 // БВ. 1913. Т. 2. № 6. С. 396.

“логика” его существа... Поэтому и положение Митеньки сравнительно мало опасно... Он — действующее лицо лишь своей индивидуальной трагедии, но около него им же самим ощущается “хор” церковного научения, устами которого говорит высшая... Правда. Кампанелла же с Бруно суть участники трагедии не только индивидуальной, но и церковной, ибо “хор” Католической Церкви сам ниспал до фатального участия в трагедии... Поэтому трагедия Кампанеллы не около-церковная, а *внутри-церковная*¹².

Многочисленные упоминания о Достоевском и цитаты из его произведений нередко встречаются в статьях междисциплинарного характера (на стыке богословия, филологии, философии и психологии): здесь текст Достоевского выступает в качестве материала для иллюстрации религиозно-философских идей или христианских догматов либо в качестве контекста, позволяющего глубже понять духовно-нравственные проблемы современного человека¹³. В этом плане стоит упомянуть фундаментальное исследование профессора Киевской академии протоиерея Павла Светлова «Идея Царства Божия в её значении для христианского мирозерцания», сначала опубликованное в «Богословском вестнике», а затем, в 1905 г., вышедшее отдельным изданием. Несмотря на то, что современная богословская наука неоднозначно оценивает работу Светлова, уличая автора в отклонениях от православного вероучения в трактовке Царства Божия¹⁴, отметим, что её появление в начале XX в. весьма симптоматично, поскольку именно в это время поднялась новая волна по распространению разного рода социалистических теорий и рационалистических концепций христианства, обещавших построить гармоничное и справедливое общество.

С филологической точки зрения исследование Светлова интересно представленным в нём литературно-художественным контекстом, который, как считает автор, позволит ему более ёмко проиллюстрировать основные тезисы его концепции. Выражение идеи Царства Божия в художественном дискурсе рассматривается Светловым на материале сочинений Достоевского, Гоголя и Л. Толстого. Заметим, что имя

12 Эрн В. Ф. [Рец. на:] Campanella T. Le poesie. Lanciano, 1913 // БВ. 1913. Т. 2. № 6. С. 397–398.

13 См., например: *Флоренский П. А.* О типах возрастания // БВ. 1906. Т. 2. № 7/8. С. 530–568; *Булгаков С. Н.* О необходимости введения общественных наук в программу духовной школы // БВ. 1906. Т. № 2. С. 345–356; *Тареев М. М.* Христианство и религия В. В. Розанова. С. 627–665 и др.

14 См., например: *Серафим (Соболев), архиеп.* Искажение православной истины в русской богословской мысли. Москва, 1943. [1997]. С. 173–191.

Достоевского в связи с идеей Царства Божьего упоминалось не только в исследовании протоиерея Павла Светлова, но и в других публикациях начала XX в. Например, можно вспомнить работу отца Сергия Булгакова «Философия хозяйства» (1912 г.), в которой религиозная концепция Достоевского противопоставляется социализму К. Маркса.

Рассуждения об аксиологии Достоевского предваряются в публикации Светлова довольно обстоятельным анализом воззрений Гоголя, оказавшего, по мнению автора, значительное влияние на Фёдора Михайловича. Светлов пишет:

«Призыв к личному усовершенствованию или исканию царства Божия и правды Его, как условию общественного блага и прогресса начинается Гоголем, продолжается Достоевским и завершения достигает в Толстом»¹⁵.

Не умаляя значения Гоголя, впервые высказавшего в русской литературе мысль «о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия», а также «призыв обществу к обновлению началами христианства, хранимого в Православной Церкви», Светлов в то же время отмечает, что с «Достоевским русская религиозно-общественная мысль делает большой шаг вперёд... сравнительно с тем, что даёт ей Гоголь»¹⁶. Гораздо глубже, по сравнению с Гоголем, Достоевский понимает и общественное значение Церкви.

«Сфера действия Церкви указывается Достоевским не во внутреннем только духовном мире человека, но и во внешней общественной среде»¹⁷.

Христианская религия предстаёт у Достоевского «как сила общественная, моральная, как фактор исторического прогресса»¹⁸, то есть гораздо более связанная с земным, временным, чем у Гоголя, в понимании которого, считает Светлов, религия «сохраняет абсолютно независимое и исключительное значение» перед временным¹⁹.

Общее представление Достоевского о Царстве Божием хорошо обрисовывается, по мнению исследователя, словами Алёши Карамазова:

15 Светлов П. Я., *прот.* Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование) // БВ. 1903. Т. 1. № 3. С. 464.

16 Там же. С. 479.

17 Там же. С. 482.

18 Там же.

19 Там же.

«... будет правда на земле, и будут все святы, и будут любить друг друга, и не будет богатых и бедных, возвышающихся и униженных; и будут все как дети Божии, и наступит Царство Христово»²⁰.

Определяя особенности художественного осмысления идеи Царства Божия у Достоевского, Светлов очень подробно останавливается на двух положениях его концепции — мессианизме и христианской самоотверженной любви. Ссылаясь на «Дневник писателя» за 1881 г., Светлов отмечает, что, по убеждению Достоевского,

«России предназначено в недалёком будущем занять мировое положение в истории...»²¹. «России предназначено послужить орудием осуществления Царства Божия на земле, или “всемирной, вселенской Церкви”, по терминологии Достоевского»²².

Таким образом, мессианское значение России у Достоевского, считает Светлов, основано на том, что русский народ является хранителем чистого христианства, носителем православия, через которое только и возможно всемирное «человеческое обновление и соединение всех народов в братство Христово»²³. Осуществлению мессианской задачи, возложенной на Россию, способствует такая черта русского национального характера, которую Достоевский определяет как «способность всепримиримости, способность всечеловечности». Светлов обращает внимание на то, что, говоря о русском народе как народе-богоносце, Достоевский имеет в виду «исключительно простонародье, а не интеллигентный класс»²⁴, а также русское иночество. Ещё одним условием мессианизма России, которое, с точки зрения Светлова, выдвигает Достоевский, является так называемый восточный вопрос, то есть «объединение... славян и всех православных национальностей под крылом России»²⁵.

Характерной особенностью «общественного мирозерцания» и художественной аксиологии Достоевского выступает, по мысли Светлова, «идея о христианской самоотверженной любви как всевозрождающей и всепобеждающей силе, в том числе как о силе общественного

20 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. I. Кн. 1. Гл. V: «Старцы».

21 Светлов П. Я., *прот.* Идея Царства Божия в её значении для христианского мирозерцания»: (Богословско-апологетическое исследование) // БВ. 1903. Т. 1. № 3. С. 482.

22 Там же. С. 483.

23 Там же.

24 Там же. С. 485.

25 Там же. С. 488.

возрождения и обновления»²⁶. Комментируя данную идею, Светлов отмечает, что в «противоположность социализму и позитивизму с их верой в среду... Достоевский настаивает на исключительном значении... принципа личного совершенствования как единственного... условия общественного блага»²⁷. Утверждая, что христианство у Достоевского является прежде всего «религией любви», и что внимание писателя «сосредоточивается не столько на активной, сколько на пассивной стороне любви»²⁸, Светлов отмечает в этой связи, ссылаясь на мнение некоторых критиков, «неполноту христианства» у Достоевского. Касаясь данного вопроса, Светлов с известной долей деликатности не упоминает в своей статье ни о развернувшейся полемике, инициированной К. Леонтьевым ещё при жизни Достоевского и продолженной после смерти писателя, ни о вошедшей в культурный обиход леонтьевской формуле о «сентиментальном», или «розовом», христианстве Достоевского. Светлов ограничивается лишь ссылкой на суждение Н. Н. Неплюева, с которым он, по всей видимости, отчасти соглашается. Писатель и общественный деятель, основатель трудового православного братства Н. Н. Неплюев в своей работе «Что есть истина?» (1893 г.) выступил с критикой христианского идеала Достоевского. В частности, ему претила проповедь пассивного отношения к жизни, которую он нашёл в романах Достоевского. Сочинения Достоевского, писал Неплюев,

«принесли долю вреда, вводя в заблуждение тех, кто принимает его героев за истинные воплощения христианского идеала и потому считает, что из христианства не вытекает другой... разумный идеал активного героя. В своих излюбленных героях, каковы князь Мышкин и Алёша Карамазов, Достоевский представляет нам лишь жалкие пародии на христиан. Единственный христианин у Достоевского — отрёкшийся от мира старец Зосима невольно наводит на мысль, что по его понятиям христианство и аскетизм однозначны и что умные люди, как Зосима, непременно должны отречься от мира, а не преобразовывать мир, что оставаться в мире, исповедуя Христа, могут только такие добросердечные ничтожества, как Мышкин и Алёша Карамазов...»²⁹.

26 Светлов П. Я., *прот.* Идея Царства Божия в её значении для христианского мирозерцания»: (Богословско-апологетическое исследование) // БВ. 1903. Т. 1. № 3. С. 490.

27 Там же.

28 Там же. С. 497.

29 Там же.

Апеллируя к довольно резкой критике Неплюева, Светлов, вероятно, преследовал две цели. Прежде всего, подобные горячие высказывания в адрес Достоевского он использовал для того, чтобы подчеркнуть огромное влияние писателя на мировоззрение и нравственные идеалы современников. Во-вторых, неприятие отдельными критиками пассивного христианства у Достоевского даёт основания Светлову обозначить точки соприкосновения между Достоевским и Толстым и одновременно указать на пропасть, которая разделяет этих двух писателей в понимании идеи Царства Божия.

«Действительно, между Достоевским и Толстым, — утверждает исследователь, — есть сходство... Л. Н. Толстой в некоторых пунктах своего мирозерцания есть дальнейшее развитие... Ф. М. Достоевского до тех крайних пределов, где сходства переходят в противоположность. В христианстве Достоевского недостаточно ясно выступает активный элемент его; христианство Толстого с его принципом непротивления злу... является совершенным подобием буддизма, "бегством от жизни"»³⁰.

Обзор дореволюционных номеров «Богословского вестника» позволяет утверждать, что несмотря на обилие материалов, содержащих отсылки к текстам Достоевского, в них ничтожно мало собственно историко-литературных исследований, посвящённых писателю. К их числу можно отнести в первую очередь публикацию митрополита Антония (Храповицкого) «Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Достоевского»³¹, статью Н. Д. Тихомирова «Ницше и Достоевский»³² и, с некоторой натяжкой, опубликованную в 1902 г. лекцию М. М. Тареева «Типы религиозно-нравственной жизни»³³.

Среди публикаций, посвящённых художественной аксиологии Достоевского, особого внимания заслуживает исследование митрополита Антония (Храповицкого) «Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Достоевского». «Внеклассную лекцию» на эту тему владыка Антоний прочитал студентам в годы своего ректорства в Московской духовной академии (1891–1895 гг.), а затем в 1893 г. она была опубликована

30 Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в её значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование) // БВ. 1903. Т. 1. № 3. С. 498.

31 С. С. Б. [Антоний (Храповицкий), архим.] Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского // БВ. 1893. Т. 4. № 10. С. 41–79.

32 Тихомиров Н. Д. Ницше и Достоевский: (Черты из нравственного мировоззрения того и другого): [Публичное чтение] // БВ. 1902. Т. 2. № 7/8. С. 505–534.

33 Тареев М. М. Типы религиозно-нравственной жизни // БВ. 1902. Т. 3. № 9. С. 42–81.

в «Богословском вестнике». Владыка Антоний увлёкся Достоевским ещё в юношеские годы и сохранил интерес к его творчеству до конца жизни, посвятив ему значительную часть научных работ. Кроме публикации в «Богословском вестнике», его статьи о Достоевском печатались и в других журналах. Например, в 1888 г. в журнале «Русское дело» была издана одна из первых работ владыки — «В день памяти Достоевского». В 1920–30-е гг., находясь в эмиграции, он не только продолжал публиковать работы о Достоевском³⁴, но и читал о нём публичные лекции в эмигрантской среде.

Без преувеличения можно сказать, что лекционные материалы, подготовленные владыкой, тогда ещё архимандритом, Антонием для студентов академии, стоят у истоков прочтения творчества Достоевского в христианском ключе. Эта традиция будет подхвачена и получит развитие в работах многих его современников: В. С. Соловьёва, отца Сергия Булгакова, К. Н. Леонтьева, М. М. Тареева и др. В своём исследовании архимандрит Антоний писал, что «творения Достоевского должны быть дороги и ценны для всякого, даже независимо от его мировоззрения»³⁵, но особенно они важны для пастырей, поскольку «настроение... собственного творческого духа» Достоевского

«есть именно то, которое нужно иметь пастырю, то есть всеобъемлющая любовь к людям... страдающая ревность об их обращении к добру и истине, раздирающая скорбь о их упорстве и злобе и при всём том светлая надежда на возвращение к добру и Богу всех отпавших сынов»³⁶.

Достоевский для архимандрита Антония — это «прямой проповедник православия»³⁷.

Архимандрит Антоний подчёркивает, что Достоевского нельзя заподозрить в тенденциозности, в которой его иногда упрекают некоторые критики³⁸, ибо у него «изображение законов психической жизни и картин быта общественного не последовало за сложившимся заранее философским и нравственным мировоззрением, но предшествовало

34 См., например: *Преосвященный Антоний, митрополит Киевский и Галицкий*. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921.

35 С. С. Б. [*Антоний (Храповицкий), архим.*] Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского. С. 48.

36 Там же. С. 50.

37 Там же. С. 47.

38 Там же. С. 46.

ему»³⁹. «Достоевский не пропагандист, прельщаемый и прельщающий, но проповедник, исповедующийся и исповедующий, — проповедник бесконечно искренний»⁴⁰.

При этом произведения Достоевского, считает исследователь, предельно насыщены разными идеями и теориями, поэтому читать Достоевского —

«это хотя сладостная, но утомительная, тяжёлая работа: пятьдесят страниц его повести дают для мысли читателя содержание пяти-сот страниц повестей прочих писателей и вдобавок нередко бессонную ночь томительных укоров себе или восторженных надежд и стремлений»⁴¹.

Однако идейная многослойность произведений Достоевского не препятствует архимандриту Антонию определить главную идею писателя: Достоевский, полагает он, «всё время писал об одном и том же» — о возрождении⁴², «о возрождающем влиянии одной воли на другую»⁴³. В заслугу писателю архимандрит Антоний ставит также то, что он

«определил и те важнейшие духовные свойства и движения, в условиях которых происходит нравственное возрождение, и те внешние... жизненные побуждения, коими человек призывается к самоуглублению»⁴⁴.

При этом Достоевский, по мнению архимандрита Антония, смог «с поразительной силой» изобразить то, что представляет собой «центральный интерес Пастырского Богословия», а именно разность «между сознательной индивидуальной волей и расположениями нравственной природы (добрыми и злыми), постоянно дающими знать о себе даже и против желания человека»⁴⁵. Особенно, подчёркивает архимандрит Антоний, писатель любил «рисовать борьбу доброй природы со злой личной волей и победу первой над последней»⁴⁶.

39 С. С. Б. [Антоний (Храповицкий), архим.] Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского. С. 46.

40 Там же. С. 49.

41 Там же. С. 42.

42 Там же. С. 48.

43 Там же. С. 51.

44 Там же. С. 50.

45 Там же. С. 63.

46 Там же.

Анализируя систему персонажей у Достоевского, он выделяет такую группу героев, как миссионеры, то есть лица, способные благотворно влиять на окружающих. К ним он относит служителей церкви, детей, крестьян, женщин и страдающих людей.

«Миссионеры, — пишет архимандрит Антоний, — ... не имея возможности сломить сознательную свободную волю человека, чего и сам Бог никогда не делает, получают... способность воздействовать на нравственную природу человека, вызывая к жизни и сознанию таящиеся в ней добрые ощущения и удаляя злые»⁴⁷. «Дело служителей Божиих, — подчёркивает исследователь, — в том именно и заключается, чтобы... показывать человеку, что содержание его личности не только не чуждо добра и религии, но по существу гораздо сроднее с ними, нежели с той злой страстью, которой он сейчас служит»⁴⁸.

При этом архимандрит Антоний, не отрицая «влияния речей и доказательств», приводимых миссионерами в целях «возрождающего влияния» на ближнего, полагает, что главным связующим началом между людьми выступает у Достоевского «христианская любовь или нравственное сострадание»⁴⁹.

«Любовь эта, — отмечает он, — есть не субъективное настроение только, а некая мировая воля, Божественная сила... Вне Бога нет этой любви, и даётся она только верующим в Его бытие и благодать... По сочинениям Достоевского выходит, что любящий и страдающий, сливаясь в духовное единство с ближним своим, не что-либо сверхъестественное делает, но лишь возвращается к утерянному грехом нашему единству в Боге»⁵⁰.

Подлинное сострадание заключается, по Достоевскому, как считает архимандрит Антоний,

«в способности понять человека, проникнуть в то доброе, что у него есть, и оценить его... Вот для сего-то и нужна, кроме смиренной любви, ещё и сила ума и широта образования, почему и лучшие воители добра — даже и монастырские монахи — являются у Достоевского людьми не только с тонкой отзывчивостью, широчайшей

47 С. С. Б. [Антоний (Храповицкий), архим.] Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского. С. 63.

48 Там же.

49 Там же. С. 67.

50 Там же. С. 69.

терпимостью и чутким пониманием людей, но и наделёнными глубоким и всесторонним образованием. Они находят общие идеалы и с Иваном Карамазовым, и с крестьянами, и с барышней-дворянкой — всякий в них находит себе сродных и по уму, и по сердцу. Они как-то умеют совершенно врасти в человека, сраспростереться со всеми его мыслями, со всеми фибрами его души... Здесь именно сказывается ловец человеков. Всем известно, что сам Достоевский на себе самом блестяще оправдал это требование, примилив на Пушкинском празднике западников и славянофилов в своей знаменитой речи...»⁵¹.

Таким образом, в исследовании архимандрита Антония акцент сделан не столько на художественной стороне сочинений Достоевского, сколько на их богатом религиозном содержании, дающим материал для изучения духовной жизни человека. Владыка назвал Достоевского учителем пастырей, подчёркивая целесообразность использования его текстов при изучении богословских дисциплин, в том числе пастырского богословия.

Выводы

Подводя итоги изучению рецепции Достоевского в «Богословском вестнике» (1892–1918 гг.), прежде всего следует отметить широту тематического контекста, в котором встречаются отсылки к произведениям писателя. Сочинения Достоевского упоминаются в статьях, посвящённых вопросам психической, духовной жизни человека, закономерностям в развитии религиозной культуры русского общества, а также проблемам интерпретации библейских идей в святоотеческой литературе, философии и художественной словесности. В восприятии академического богословия религиозно-этический идеал Достоевского представляется не отвлечённой философской абстракцией, но конкретной и весьма продуктивной системой, отвечающей потребностям насущной жизни и отличающейся всеохватностью и универсальностью, что делает её актуальной в разных контекстах.

51 С. С. Б. [Антоний (Храповицкий), архим.] Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского. С. 71–72.

Библиография

- Глаголев С. С. Духовный дальтонизм в изящной литературе. Рец. на: Lourdes par Emile Zola / Paris, 1894 // БВ. 1894. Т. 4. № 12. С. 548–578.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом: Ч. 1 и 2. Москва: Сов. Россия, 1987.
- Кузнецов Н. Д. Русская художественная литература в её отношении к вопросам религии // БВ. 1910. Т. 3. № 10. С. 333–352.
- Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесл. В. М. Толмачёва. Москва: Республика, 1995.
- Светлов П. Я., *прот.* Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания»: (Богословско-апологетическое исследование) // БВ. 1903. Т. 1. № 3. С. 463–498.
- С. Л. [Автор не установлен]. Рец. на: Малеонский М. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства: Серебряный век. Санкт-Петербург, 1883–1894 // БВ. 1894. Т. 4. № 11. С. 383–409.
- С. С. Б. [Антоний (Храповицкий), архим.] Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского // БВ. 1893. № 10. С. 41–79.
- Страхов П. С. Всемогущий случай или творчество Божие? // БВ. 1909. Т. 1. № 1. С. 1–23.
- Тареев М. М. Достоевский как религиозный мыслитель // ХЧ. 1907. № 11. С. 575–598.
- Тареев М. М. Типы религиозно-нравственной жизни // БВ. 1902. Т. 3. № 9. С. 42–81.
- Тареев М. М. Христианство и религия В. В. Розанова // БВ. 1907. Т. 3. № 12. С. 627–665.
- [Тареев М. М.] Религиозная проблема в современном освещении: [Религия и социализм. Л. Фейербах, Д. Штраус. О. Конт] // БВ. 1909. Т. 1. № 1. С. 58–84.
- Фетисенко О. Л. Достоевский в двух эпистолярных диалогах В. В. Розанова 1890-х гг. // Достоевский и мировая культура. Альманах № 27 / сост., отв. ред. Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2010. С. 204–219.
- Эрн. В. Ф. [Рец. на:] Campanella T. Le poesie. Lanciano, 1913 // БВ. 1913. Т. 2. № 6. С. 390–401.